

МАСОНЫ ВО ФРАНЦИИ

(ВЧЕРА И СЕГОДНЯ)

Ю. И. Рубинский

Летом 1975 г. французская печать вновь заговорила о франкмасонстве. Неожиданно пробудившийся интерес к этой организации, которая давно уже считалась лишь живописным обломком далекого прошлого, не случаен. Стоявший в стране у власти политический блок стремился вбить клин в ряды левых сил (с успехом выступивших единым фронтом в ходе парламентских и президентских выборов 1973—1974 гг. на базе совместной правительственной программы). Одним из инструментов в этих усилиях призваны были стать масонские ложи. Какую же роль сыграли масоны в политической истории Франции? Ответ на этот вопрос помогает понять, почему сейчас предпринимаются настойчивые попытки гальванизировать деятельность «братства вольных каменщиков»...

Человек с завязанными глазами входит в полутемную комнату. Повязку снимают, и пришельцу становится не по себе. Стены украшены таинственными изображениями. Вот сова между двух светильников — древний символ мудрости. Над ней в солнечном диске, окруженном месяцем и звездами, недремлющий глаз в треугольнике, от которого исходят лучи. Череп и кости напоминают о бренности земного существования, не озаренного светом высших истин. Причудливо переплетаются фигуры львов, старцев с косой, символизирующих беспощадное время, величественных женщин со свитками в руках. Наконец, повсюду видны инструменты каменщиков — циркуль, угольник, отвес, мастерок. Вошедшего окружает толпа людей в масках, с обнаженными шпагами в руках, направленными ему в грудь. Путаясь и сбиваясь, он повторяет слова торжественной клятвы, которую медленно произносят за его спиной. Отныне неопит стал «посвященным», он может называть каждого присутствующего «братом», рассчитывать на помощь «братьев» в любых обстоятельствах, но и сам обязан оказывать ее всякому, кто сделает условный знак, подтверждающий его принадлежность к международному тайному обществу, влияние которого давало себя знать повсюду — от провинциальной глуши до кабинетов министров...

Так проходил обряд приема в ряды франкмасонов в прошлом столетии. О масонстве имеется огромная литература как апологетического, так и враждебного характера, разобратся в которой не так-то просто: ведь эта организация не публикует своих архивов¹. Не следует, разумеется, принимать на веру ни саморекламу «масонических» авторов, ни яростные нападки их многочисленных врагов. Сами масоны были прямо заинтересованы во всяческом преувеличении своей роли, ибо это немало содействовало достижению их целей, являвшихся в конечном счете весьма прозаическими. Ответом на саморекламу масонов оказался поток антимасонских сочинений, которые принимали различную форму — от больших фолиантов до памфлетов и листовок. Львиная доля этой продукции выходила из-под пера авторов, близких главному противнику и конкуренту масонства — католической церкви. Но масонов избирали мишенью атак и иные реакционные силы, в частности нацисты в гитлеровской Германии, для которых самый факт существования международного тайного общества был поистине находкой: он мог служить удобным «громоотводом» для недовольства

¹ См. о ней: A. Lantoinе. Histoire de la Franc-maçonnerie française. La Franc-maçonnerie chez elle. P. 1927; R. Valléry-Radot. Dictature de la Franc-maçonnerie. P. 1934; H. Coston. La Franc-maçonnerie sous la IIIe République. P. 1942; M. J. Herdings. French Freemasonry under the Third Republic. Baltimore. 1949; P. Arnold. Histoire des Rose-Croix et les origines de la Franc-maçonnerie. P. 1955; S. Hutin. Les Franc-maçons. P. 1960; P. Nandon. La Franc-maçonnerie. P. 1963; J. Palou. La Franc-maçonnerie. P. 1964.

озлобленного, шовинистически настроенного, невежественного мещанства, искавшего виновника своих бед. А масоны с их таинственными символами и международными связями неплохо подходили к роли своеобразного «козла отпущения». В свою очередь, тот факт, что масонство оказывалось жертвой преследования со стороны ультрареакционных сил, придавал ему порою некий мученический ореол, что играло на руку масонским политикам. Поэтому выяснение характера подлинной деятельности масонов представляет несомненный интерес, особенно для эпохи и страны, когда и где масонство переживало свой «золотой век», — Франции конца XIX — начала XX столетия.

Франкмасоны — «вольные каменщики» — появились еще в средние века как тайный союз городских буржуа против феодалов. В начале XVIII в. в ряде западноевропейских стран они стали союзом людей, на словах посвятивших себя поискам истины, нравственному самоусовершенствованию, взаимопомощи и благотворительности. Официальная идеология масонства, сложившаяся тогда же, возводится к праотцу Адаму, вынесшему из рая наследие божественной мудрости, и ко временам строительства того библейского храма, в котором, согласно священному писанию, якобы хранились скрижали завета. По аналогии масоны провозгласили своей целью строительство «внутреннего», духовного храма, открытого только для «посвященных». Из практики средневековых строительных цехов (отсюда термин «каменщики») они позаимствовали сложный мистический ритуал, пышную символику и условные знаки, позволявшие «братьям» — масонам разных национальностей или социального положения — узнавать друг друга, а также перениjali строго централизованную организацию.

В первой половине XVIII в. масонские союзы (ложи) быстро распространились по всей Европе. Они появились в Шотландии, Ирландии, Бельгии, Голландии, Германии, Италии, Португалии, Польше, России и, наконец, во Франции, где их культурническая в ту пору деятельность нашла благодатный материал в трудах просветителей-энциклопедистов. Французскими масонами была пущена в оборот и формула, ставшая впоследствии лозунгом Французской буржуазной революции конца XVIII в., — «Свобода, равенство, братство»². В то время, однако, франкмасонские ложи являлись лишь чем-то средним между кружком любителей философско-этических споров, благотворительным обществом и закрытым клубом, хотя буржуазно-классовый их характер несомненен. Восставая против гнета закостенелой аристократической иерархии феодально-абсолютистского общества, цементированного церковью, оно с самого начала пыталось противопоставить ей собственную иерархию. А поскольку в XVIII—XIX вв. доступ к культуре и образованию был еще привилегией немногих «избранных», социальной базой масонов оказывалась главным образом обуржуазившаяся дворянская интеллигенция, для которой ложи служили лишь «мостиком» к «третьему сословию». Закрытый характер лож и их независимость от сословно-аристократических каст, строившихся на привилегии рождения, привлекали к масонству и те буржуазные круги, для которых доступ в «верхи общества» иным путем оказывался более трудным или вообще невозможным.

Представляя собой своеобразную форму консолидации буржуазных культурных сил, масонство сначала стояло далеко от политики, тем более что тайное общество привлекало к себе пристальное внимание властей предрержащих. За его деятельностью бдительно следила полиция как извне, так и изнутри, через свою агентуру. Иногда в масонские ложи с целью вящего надзора вступали даже руководители полицейских ведомств (например, одним из сановников масонства в эпоху Наполеона был его министр полиции Ж. Фуше³). Сдвиги в идеологии и деятельности французского масонства наметились только на заключительном этапе существования Второй империи. В то время, как в Англии или США членство в ложах, которое стало прочной традицией буржуазных семейств, было вполне совместимо с тем или иным протестантским вероисповеданием и являлось в конечном счете лишь одним из свидетельств принадлежно-

² R. Prieuret. La Franc-maçonnerie sous les Lys. P. 1953.

³ Старейшиной масонской ложи был и видный деятель революции 1848 г. Л.-А. Гарнье-Пажес, организатор одного из тайных обществ во времена Июльской монархии (Ж. Вейль. История республиканской партии во Франции с 1814 по 1870 г. М. 1906, стр. 57).

сти к определенному социальному кругу, во Франции (отчасти и в других католических странах) оно приобретало выраженный антиклерикальный и политический характер.

Данная тенденция отражала расслоение среди французской буржуазии в связи с выбором ею генеральной стратегии классовой борьбы на фоне промышленного переворота 60-х годов XIX в. во Франции. Большинство правящего класса после июньских дней 1848 г. в страхе перед пролетариатом безоговорочно вручило свою судьбу авторитарному режиму Луи Бонапарта, опиравшемуся на активную поддержку католической церкви. Другая фракция буржуазии, чувствовавшая внутреннюю непрочность бонапартистской диктатуры, стремилась взять в свои руки руководство республиканской оппозицией под флагом воинствующего антиклерикализма. Борьба за республику неразрывно переплелась с борьбой за светский характер государства.

Считать данную тенденцию каким-то тщательно обдуманым тактическим маневром — явное упрощение. Субъективно эта тенденция не всегда осознавалась. Но объективно, по мере того, как монархия во Франции во всех ее трех династических обликах — бурбонском, орлеанском и бонапартистском — постепенно изживала себя, средние слои города и деревни получали возможность завоевать (или выторговать) для себя более значительную долю власти в рамках парламентарной буржуазно-демократической республики, пользуясь страхом крупной буржуазии перед революционным пролетариатом. Чтобы гибко лавировать между двумя полюсами французского общества, средние слои нуждались и в идеологической платформе, и в организации. То и другое дало им масонство, состав которого в последней трети XIX в. демократизировался, хотя по-прежнему исключал трудящиеся классы. «Возврат к истокам», к неосуществленным лозунгам буржуазной революции конца XVIII в., давал возможность ценой частичной демократизации режима и освобождения его от гнета католического мракобесия расширить социальную базу буржуазного государства.

При отсутствии организованных легальных партий борьба между клерикально-монархическими и республиканско-антиклерикальными течениями развернулась через масонские ложи, в какой-то степени продолжавшие, хотя и в более смягченном виде, традиции тайных республиканских обществ времен Июльской монархии. «Французское масонство того времени в целом не было революционной организацией, как это иногда думают: «Великий Восток» (крупнейшая ложа Франции. — Ю. Р.), готовый подчиниться любому правительству, избрал в 1852 г. своим великим магистром принца Мюрата; затем антиклерикальное большинство предпочло ему в 1860 г. принца Наполеона, но признало безропотно великим магистром и маршала Маньяна, которого навязал им император. Тем не менее некоторые ложи состояли из одних республиканцев. «В «Ложе шотландского обряда», имевшей своим великим магистром Кремье, ложа под номером 133 возвела А. Бриссона в звание старейшины, а Ш. Флоке признала братом-оратором и считала в числе своих членов Ферри, Гамбетту и трех Фонвьеллей», — писал историк Ж. Вейль⁴. Постепенно антиклерикальные силы в масонстве брали верх над противниками, свидетельством чему явилось упразднение в 1865 г. в уставе «Великого Востока» упоминания о «Великом зодчем Вселенной» (боге), введенного в 1849 г. во все масонские уставы.

После крушения Второй империи и создания Третьей республики вражда масонства к католической церкви сделала ложи готовой организационной формой для буржуазно-республиканских партий в момент, когда антиклерикализм стал в начале 1880-х годов центральным пунктом их политической программы⁵. Нарочито делая человечество только на две категории — верующих и рационалистов и отождествляя первых с авторитарным началом, единоличной властью или олигархией, а вторых — с либерализмом, демократией и прогрессом, масонство выступило на арену активной политической борьбы как авангард республиканской буржуазии в ее стремлении утвердить парламентарную демократию и закрепить за собой ту роль вождя общества, на которую все решительнее претендовал рабочий класс.

Основным содержанием деятельности французских масонов стала борьба за освобождение школы от влияния католической церкви вообще, монашеских орденов,

⁴ Ж. Вейль. Указ. соч., стр. 393.

⁵ R. Priouret. La République des Députés. P. 1959, p. 130.

особенно иезуитов, в частности; за всеобщее, обязательное и бесплатное светское образование. Гласным инструментом масонских лож в этой борьбе служила Лига просвещения, основанная 25 октября 1866 г. Ж. Масэ. К ней примкнули учительство и другие светские круги. Лига просвещения связала воедино лозунг единой светской государственной школы, освобожденной от влияния католической церкви, с задачей консолидации буржуазно-парламентарной республики («светская школа — школа республики!»). Став вдохновительницей школьных законов Ж. Ферри в начале 80-х годов XIX в. и антиклерикального законодательства кабинетов П. Вальдека-Руссо и Э. Комба (1901—1905 гг.), сопротивляясь предоставлению бюджетных субсидий религиозным школам, квалифицировавшемуся как посягательство на республиканский строй, Лига оказывала в обмен услуги на выборах буржуазным партиям, которые заявляли о своей готовности стоять на страже светской школы⁶. Политическим козырем Лиги являлась поддержка тех тысяч учителей, которые выступали в роли оплачиваемых государством добровольных предвыборных агентов буржуазно-республиканских кандидатов в ходе борьбы с клерикалами.

Другим «внешним» орудием масонства служила Лига прав человека и гражданина, основанная в конце 80-х годов XIX в., во время буланжистского кризиса, а затем восстановленная и расширенная в феврале 1898 г., в разгар дела Дрейфуса. Лига прав человека завоевала в начале XX в. популярность среди демократической общественности выступлениями против ущемлений гражданских прав судебной-полицейской машиной, бюрократией и военщиной⁷. Председателем Лиги долгие годы являлся видный масон республиканский социалист Ф. Буиссон. Численность Лиги достигала 175—200 тыс. человек.

Если обе лиги служили «приводными ремнями» от масонства к массам мелкой и средней буржуазии, то его организационным костяком оставались узкие, закрытые ложи. Низовой, первичной организацией масонства служили «мастерские», создававшиеся как по территориальному признаку, так и в отдельных учреждениях. Члены мастерских — «братья», вступление в ряды которых обставлялось сложным ритуалом, делились на 33 иерархических ранга: от начинающего неопита — «подмастерья» до «великого суверенного генерального инспектора». Мастерские трех низших степеней («красные») именовались ложами, остальные («синие»), до 30-й включительно, — «капитулами» и «советами». Мастерская, открывавшая доступ к высшим рангам масонства («достопочтенным»), носила название «Великой коллегии обрядов». Мастерские объединялись в федерации — великие ложи, важнейшими из которых были «Великий Восток» («Ложа французского обряда»), созданная в 1772 г., и «Ложа шотландского обряда», основанная в 1804 году. Последняя включала две автономные ложи — «Верховный совет Франции» и «Великую ложу Франции». Меньшее значение имели второстепенные федерации — «Право человека» и «Великая национальная независимая и регулярная ложа». Двойное членство в разных ложах считалось допустимым, но такой масон мог участвовать в выработке решений только одной из них.

Делегаты лож каждой федерации периодически собирались на съезд — «общее собрание» с учредительными и законодательными правами. Чрезвычайные собрания проводились по требованию большинства членов лож. Ежегодное общее собрание считалось «конвентом», решения которого служили текущей программой федерации, хотя и не имели обязательной силы. Собрание избирало абсолютным большинством совет из 33 членов сроком на 3 года, который должен был следить за соблюдением конституции федерации, ее регламента (устава), решений общих собраний и конфликтных органов, готовить бюджет, издавать обязательные постановления, в чрезвычайных случаях — закрывать мастерские и исключать отдельных масонов при условии последующего утверждения собранием⁸. Дисциплинарные проступки «братьев» рассматривались их ложами, конфликты между мастерскими — жюри, решения которых могли обжаловаться в особые апелляционные и кассационные инстанции масонства. Однако реальная

⁶ G. Duveau. Les Instituteurs. P. 1957, p. 103.

⁷ См. P. Pitois. Les buts politiques de la Ligue des droits de l'homme. P. 1935.

⁸ Каждый год производилось переизбрание одной трети членов совета. Организационная структура масонства приведена здесь по конституции «Великого Востока», принятой в конце XIX века.

власть в ложах находилась в руках крайне узкого круга лиц, главным образом кадровых сотрудников аппарата совета, во многом предreshавших его резолюции (конвент ложи «Великий Восток» включал 350—400 человек, что не давало ему возможности проводить какое-либо деловое обсуждение любого предложения).

Конституции масонских федераций были наполнены высокопарной риторикой⁹. Но она рассыпалась в прах при первом же соприкосновении с реальной действительностью. Объявив своим главным врагом католическую церковь как воплощение нетерпимости, догматизма, сектанства, принципов безусловного подчинения иерархии, отказа от свободной критической мысли и считая себя «контрцерковью», французское масонство начало бороться против церкви ее же средствами и в результате постепенно приобрело все отрицательные черты своего противника. «Масонство не имеет ни малейшего желания применять в своей собственной среде некоторые из тех принципов свободы и личной независимости, которые оно требует для мира непосвященных. Масонство есть организация борьбы, и, как таковая, оно вынуждено подчинять своих членов требованиям дисциплины, необходимой для борьбы», — гласил циркуляр «Великого Востока» от 1894 года¹⁰.

Но поспрание элементарных принципов демократии внутри политической организации не могло остаться без последствий и не отразиться на формах и результатах борьбы за эти принципы вовне¹¹. Даже самое наличие строгого ритуала, символов и рангов являлось вызовом равенству и свободе совести рядовых масонов. Культ популярного слова «свобода» отнюдь не переставал быть культом со всеми присущими ему атрибутами — духовным гнетом и чинопочитанием. Еще более важное значение имел тот факт, что французское масонство выросло в политическую силу не в условиях подпольной оппозиции монархии, а уже после торжества республики. Поэтому его деятельность по искоренению антиреспубликанских, прежде всего клерикальных, элементов приняла форму проникновения внутрь политического механизма и административной системы республиканского государства. Будучи закрытой организацией, что подчеркивалось специфическими правилами приема и структурой тайного общества, масонство могло утвердить свое влияние на государственную власть лишь с помощью нечистоплотных методов — интриг, протекций одних «братьев» другим и т. д.

Это наглядно обнаружилось в первые годы XX в., во время громкого скандала, получившего название «Дело о картотеках». Оно вскрылось лишь благодаря тому, что клерикалам удалось перетянуть на свою сторону, вероятно, с помощью подкупа, сотрудника секретариата совета ложи «Великий Восток» Ж. Бидгена. Последний сообщил, что в 1901 г., вскоре после дела Дрейфуса, масонство, решив искоренить клерикальное влияние в армии и пользуясь сочувствием военного министра в кабинетах Вальдека-Руссо и Комба генерала Андре, организовало через своих единомышленников в провинции систему негласной слежки за офицерами. Сведения о религиозных верованиях, политических убеждениях офицеров, степени их лояльности правительству, взаимоотношениях в их семьях, воспитании детей и круге знакомств заносились на карточки, которые пересылались в совет «Великого Востока», а через него в военное министерство. Последнее руководствовалось ими при решении кадровых вопросов продвижения по службе, назначений и увольнений¹². Возникшее вскоре общество офицеров-масонов превратилось в шайку осведомителей, стремившихся сделать себе с помощью доносов быструю карьеру. После выборов 1902 г. «Великий Восток» направил ложам анкету для выяснения республиканской благонадежности префектов, супрефектов, комиссаров полиции и других чиновников во время последней предвыборной кампании. То была попытка создать своего рода «параллельную иерархию», дублировавшую государственный аппарат и осуществлявшую над ним бдительный контроль.

Когда эта история выплыла на свет, масоны попытались обелить себя ссылками на высшие интересы республики, даже на революционную традицию Комитета обще-

⁹ J. Bidegain. Le Grand Orient de France. Ses doctrines et ses actes. P. 1905, p. 146.

¹⁰ «Journal officiel de la République Française», Chambre des députés, débats parlementaires, 17.VI.1904.

¹¹ А. А. Боровой. Современное масонство на Западе. М. 1923, стр. 14.

¹² В этой картотеке фигурировали досье на 25 тыс. офицеров, подбиравшиеся на протяжении 1901—1904 годов.

ственной безопасности времен якобинской диктатуры, а также на происки иезуитов, тоже располагавших секретной службой в виде «Третьего ордена св. Франциска» (он состоял из светских лиц, дававших тайный обет послушания). Однако иезуитский принцип «цель оправдывает средства» не мог украсить лицо буржуазно-республиканского государства и дискредитировал его в глазах масс, сыграв в конечном счете на руку клерикально-милитаристской реакции¹³.

В государственном аппарате масонов привлекли прежде всего ведомства народного образования и внутренних дел — те звенья, которые оказывали наибольшее воздействие на ход избирательных кампаний¹⁴, в политическом же механизме — выборные мандаты. Хотя общая численность масонов не превышала 30—40 тыс. человек, объединенных примерно в 600 низовых ложах, их удельный вес в муниципальных, генеральных советах и парламенте был неизмеримо выше, чем среди избирателей; по некоторым данным, в конце XIX — начале XX в. из примерно 600 депутатов от 150 до 200 были масонами.

Вопреки официальным декларациям масонство все теснее срачивалось с буржуазными политическими партиями¹⁵. Из многочисленных буржуазно-республиканских группировок наибольшими симпатиями масонства пользовались те, которые стояли ближе всего к кормилу власти: сначала умеренные республиканцы, затем радикалы (когда последние начали превращаться в главную правительственную партию)¹⁶. В момент создания радикальной партии 155 лож стали ее низовыми комитетами, а руководство масонских федераций обеспечивало связь и координацию между ними. Почти все члены «Комитета борьбы за республиканские реформы», взявшего на себя в 1901 г. инициативу по созыву учредительного съезда партии, были масонами: А. Бриссон, Л. Буржуа, Ш. Флоке, Ш. Локруа, А. Мезюрер. Показательно также, что внутри этой партии удельный вес масонов был выше в руководящих органах, дававших непосредственный доступ к власти, нежели в низших звеньях. В 1905 г. из 513 членов исполкома радикальной партии 247 (48%) были масонами. Сравним, кроме того, разные категории лиц, составлявших исполком партии в 1908 г.¹⁷:

Занимаемое место	Рядовые активисты	Муниципальные, окружные и генеральные комитеты	Депутаты	Сенаторы
Общее число	258	92	126	37
Число масонов среди них	106	27	59	27
Доля последних (в %)	41	30	47	73

Из 33 членов бюро партии 20 были масонами, из 16 секретарей — 6, из 16 вице-председателей — 13, председатель партии Ж. Лаффер являлся одновременно председателем совета «Великого Востока». Уже в эпоху господства умеренных республиканцев масоны получили доступ к ключевым государственным постам. Ими были президенты республики А. Тьер, Ж. Гриви, С. Карно, Ф. Фор, П. Думер, председатели сове-

¹³ Историю с карточками подробно смаковали клерикально-реакционные враги масонства. См. A. Dancette. Histoire religieuse de la France contemporaine. T. II. P. 1951, pp. 341—343; E. Beau de Loménie. Les responsabilités des dynasties bourgeoises. T. II. P. 1947, pp. 351—352.

¹⁴ Как выше отмечалось, учителя государственных светских школ являлись активными пропагандистами в пользу левых партий, особенно в деревне, а префектуры располагали немалыми средствами для нажима на избирателей или подкупа их.

¹⁵ D. Halévy. La République des comités. P. 1934, p. 30.

¹⁶ P. Frédéric. Etat de forces en France. P. 1935, pp. 124—125.

¹⁷ Данная статистика не точна, так как принадлежность к масонству дана в ней по антимасонским изданиям; но, по мнению ряда исследователей, эти источники близки все же к истине (D. Bardonnet. Evolution de la structure du parti radical. P. 1960, pp. 232—233).

та министров Л. Гамбетта, Ж. Ферри, Ш. Дюпюи, П. Вальдек-Руссо и другие. Когда после 1898 г. радикалы стали стержнем правительственного большинства, монополизация власти масонством еще более усилилась. Из его рядов вышли такие государственные деятели-радикалы, как А. Бриссон, Ш. Флоке, Э. Комб, Л. Буржуа, Г. Думер, К. Шотан, Ж. Шмидт.

Масонские ложи превращались в инкубатор политического персонала Третьей республики, в школу, прохождение которой давало ценнейшие связи — ключ к множеству ревниво охраняемых дверей, к быстрой и обеспеченной карьере. Масонская солидарность, изображавшаяся самими масонами как «высшее проявление любви к ближнему, очищенной от христианского лицемерия и облагороженной великой задачей борьбы за царство разума на Земле», оборачивалась прозаической круговой порукой неразборчивых в средствах политиканов в их жадном стремлении любой ценой пристроиться у казенной кормушки. На закрытых собраниях масонских мастерских, где-нибудь в отдельном кабинете модного ресторана, под прикрытием бутафорских таинственных символов и обрядов, порою заключались предвыборные сделки и делились министерские портфели. «Из-за глухих дверей и темных, таинственных драпировок вышло масонство на торную дорожку политической борьбы. Умерло тайное общество с его мистическими устремлениями; оно преобразовалось в ловкий, живой политический механизм, работающий в защиту республиканских и светских идеалов, — писал А. А. Боровой. — ...На масонские собрания приходят не для того, чтобы учиться живому нравственному или религиозному опыту, а собираются для обделывания своих делишек, устройства карьеры и пр. Маккиавеллизм самой дурной марки пустил в ложах глубокие корни. Забота о нравственном совершенствовании стала пустой фразой. Масоны стали слишком занятыми людьми, чтобы предаваться утопиям... Вступление в масонскую ложу стало делом простым... Предварительная анкета — пустая формальность. Рекомендации получить легко... Это и понятно. Масонство стало боевой политической организацией, заинтересованной не только в качестве, но и в численности своей армии»¹⁸.

Так франкмасонство выродилось в огромную буржуазную «мафию», организованную в общегосударственном масштабе во имя дележа теплых местечек. «Если сравнить вкус партии радикалов к распределению постов и тот факт, что для многих масонов вступление в ряды франкмасонства означало проникновение в среду, где друг другу оказывают услуги, можно прийти к выводу о частом совпадении влияния и интересов обеих организаций на протяжении всего периода истории Третьей республики»¹⁹, — писал исследователь структуры партии радикалов Д. Бардонне.

Было бы явным преувеличением считать франкмасонство неким всесильным заговором, систематически приносившим интересы страны в жертву мелким и грязным карьеристским интересам своих членов. В принципе освобождение Франции от клерикального влияния, борьба против произвола бюрократии и военщины являлись, бесспорно, прогрессивным делом, и масонство сыграло в том некоторую роль. Недаром католическая церковь питала к масонству лютую ненависть. Даже «либеральный» папа Лев XIII счел своим долгом заклеить его в особой энциклике («Гуманус генус» от 20 апреля 1884 г.) как исчадие сатаны.

Но буржуазно-классовая направленность этой организации постоянно давала о себе знать, особенно когда речь шла об освобождении трудящихся от гнета капитала. По своему социальному происхождению подавляющее большинство французских масонов времен Третьей республики составляли торговцы, промышленники средней руки, лица свободных профессий, чиновники, учителя, профессиональные политики. Вступление в ложу предполагало известный имущественный ценз, оправдывавшийся необходимостью оказывать материальную помощь «братьям». Борьба за контроль над республиканским государственным аппаратом сочеталась у французских масонов с хроническим недоверием к власти вообще, с опасением перед тем, что она станет монопольным орудием их противников справа или слева — либо реакции, либо социалистического пролетариата. Вот характернейшая черта психологии мелкого буржуа! Недаром видный

¹⁸ А. А. Боровой. Указ. соч., стр. 38.

¹⁹ D. Baridonnet. Op. cit., p. 237.

теоретик французского масонства Хирам предлагал Ватикану (после отделения церкви от государства) общий союз против «этатизма»²⁰.

Значительная часть масонских сановников радикального толка относилась к идеям научного социализма с нескрываемой враждебностью. Французские же социалисты относились к масонству со смешанными чувствами. На съезде социалистической партии в Лиможе (1906 г.) левое ее крыло во главе с Ж. Гедом высказалось против вступления социалистов в ложи, хотя некоторые из них (например, возглавлявшиеся Делиньером) называли себя социалистическими. В то же время М. Самба, являвшийся тогда гедистом, отстаивал возможность сотрудничества с масонством в качестве тактического средства пропаганды идей социализма среди мелкобуржуазных слоев. Этот вопрос вновь обсуждался на съезде в Лионе (1912 г.) и остался открытым. В конечном счете он смыкался с более общей проблемой отношений между социалистами и радикалами. В последний период существования Третьей республики (1936—1940 гг.), когда задача борьбы против клерикализма потеряла прежнюю остроту, а буржуазные круги были напуганы победой Народного фронта, прежнее влияние масонства упало. В его рядах взяли верх представители правого крыла радикалов во главе с К. Шотаном, настроенного в пользу союза с реакцией. Одновременно по мере того, как социалисты теряли позиции среди рабочего класса, они начинали опираться на часть средних слоев, а их партийный аппарат вербовался преимущественно из учительства. Все больше масонов встречалось среди французских правых социал-реформистов (П. Рамадье). Масонство становилось мостом, скреплявшим блок реформистской социал-демократии с мелкобуржуазным радикализмом, а последнего — с «умеренными» буржуазными партиями.

Конфликт между католической церковью и франкмасонством, являвшимися в начале Третьей республики идейными центрами и организационными стержнями двух главных партийно-политических группировок правящего буржуазного лагеря — левой и правой, в сущности выполнял во Франции функции англо-американской двухпартийной системы. Он помогал буржуазии сначала оттягивать момент конституирования пролетариата в самостоятельную партию, а затем превращать эту партию (пока она была сравнительно слаба и в ней доминировали реформистские элементы) в придаток левобуржуазного лагеря и в составную часть механизма классового господства буржуазии. Подобная тактика была возможна потому, что социальная структура Франции долго отличалась высоким удельным весом средних слоев. Но по мере их размывания, роста рядов рабочего класса и усиления процесса концентрации производства положение начинало меняться. Борьба вокруг таких проблем, как республика или монархия, отношения между государством и церковью, церковью и школой, военной и гражданской властью, постепенно отходила на задний план перед лицом непримиримого антагонизма между наемным трудом и капиталом, буржуазией и рабочим классом.

В эпоху империализма в буржуазных кругах Франции, связанных с финансовой олигархией, усилились авторитарные настроения, росла враждебность к парламентарной демократии; антиклерикализм уступал место «возврату к религии» как традиционной идеологической основе французской реакции. Эти факторы предопределяли упадок и вырождение масонства²¹. Но полностью сбрасывать со счетов масонство как фактор общественной и политической жизни современной Франции еще преждевременно. Так, в мае 1947 г., когда представители Французской коммунистической партии были произвольно исключены из состава правительства Четвертой республики, председателем совета министров являлся правый социалист Рамадье, один из видных сановников масонских лож. Масоны-радикалы типа ветерана парламентской арены А. Кэя сыграли видную роль в создании так называемой «третьей силы» — блока социалистов, радикалов и католической партии МРП (Народно-республиканское движение), формально противостоявшей коммунистам слева и голлистам справа, но фактически заостренной прежде всего против компартии. Когда в 1951 г. вопрос о государст-

²⁰ Hiram, La Séparation de l'Eglise et de l'Etat. P. 1903, p. 861.

²¹ За последние годы французское масонство начало отказываться даже от своего центрального прежде лозунга антиклерикализма и искать пути примирения с церковью. В 1947 г., впервые со времен Французской буржуазной революции конца XVIII в., одна из масонских лож пригласила выступить перед нею епископа Пезерия.

венных субсидиях церковным школам способствовал расколу коалиции «третьей силы», значительная часть лидеров масонских лож санкционировала поворот «умеренного» крыла партии радикалов (Ж. Мартино-Депла, Ш. Брюн и др.) к сотрудничеству с откровенно правыми, клерикальными партиями. Теперь масонство выполняло функции буфера, шарнира между социал-реформизмом и мелкобуржуазным радикализмом, с одной стороны, правоконсервативными кругами буржуазии — с другой.

Эта функция осталась уделом масонства и в условиях Пятой республики. Авторитарная структура политического режима сузила полномочия парламентских учреждений и выборных органов местного самоуправления, являвшихся ранее излюбленной сферой деятельности масонов. Поэтому масонские политики взяли курс на максимальное рассредоточение своих партийных ставок, стремясь обеспечить присутствие одновременно как в правящем лагере, так и среди группировок «умеренной» оппозиции, лавируя между ними и стараясь извлечь из этого определенные «комиссионные». В настоящее время три основные федерации масонских лож во Франции — «Великий Восток» (все еще крупнейшая), «Великая ложа Франции» и «Великая национальная французская ложа» — насчитывают соответственно 25 тыс., 12 тыс. и 2 тыс. членов. Большинство в первых двух составляют социалисты и радикалы, в последней — правобуржуазные элементы, близкие к партии «независимых республиканцев», хотя все они заявляют о своей «аполитичности». Естественно также, что последняя ложа поддерживает тесные связи с буржуазным масонством США и Англии. Однако и в остальных двух наблюдаются тенденции в пользу сближения с коалицией, стоящей у власти. Так, гроссмейстер «Великой ложи Франции» врач П. Симон, который в 1967—1968 гг. являлся кандидатом на парламентских выборах от Федерации демократических и социалистических левых сил (блок социалистов с радикалами), сблизился впоследствии с партией ЮДР, а затем и с «независимыми республиканцами».

Аналогичную эволюцию проделало правое крыло «Великого Востока» в лице сенатора А. Кайяве, в прошлом одного из лидеров движения левых радикалов, примкнувшего к совместной правительственной программе коммунистической и социалистической партий, а потом установившего контакт с правительственной коалицией. Его поддерживают бывший депутат-радикал Ж. Марозелли, генеральный директор акционерного общества «Сетимег» Р. Ле Пла, сенаторы П. Брусс и Г. Памс. Печать отмечает, что деятельность этой группы имеет целью подготовить воссоединение расколотой ныне партии радикалов, включить ее в состав правящего большинства, а затем с помощью радикалов попытаться оторвать социалистов от сотрудничества с коммунистами.

Таким образом, масонские ложи все более скатываются в лагерь правых. Этот процесс идет параллельно размежеванию среди трудящихся-католиков, значительная часть которых переходит на позиции левых сил. В таких условиях выродившееся и измельчавшее французское масонство прямо становится вспомогательным инструментом реакции.